

УДК 930-051(045)

*В.В. Пузанов, Н.В. Халявин***«РАДОВАТЬСЯ УСПЕХУ ДРУГОГО, РАДОВАТЬСЯ РАДОСТЬЮ ДРУГОГО...» –
ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ И. Я. ФРОЯНОВА**

Статья обращается к творчеству известного отечественного историка – профессора И. Я. Фроянова. Главное внимание отводится тому, как он работает с историографическим материалом. Авторы статьи отмечают особенный стиль научного творчества учёного, который заключается в скрупулезном анализе историографического поля, широчайшем охвате трудов предшественников и современников, бережном и уважительном отношении к мнению каждого историка. Среди важнейших научных заслуг исследователя отмечаются его усилия по сохранению преемственности исторической мысли разных эпох (дореволюционной, советской и современной историографии), особенно в сфере изучения социально-экономической и социально-политической проблематики Древней Руси. Обращается внимание на трудности, которые преодолевал И. Я. Фроянов, отстаивая свои принципы и научные идеалы. Приложение к статье иллюстрирует один из эпизодов тернистого пути учёного к истине.

Ключевые слова: И. Я. Фроянов, история России, историография, Древняя Русь.

Юбилей большого учёного – хороший повод для размышлений о его роли в науке. Имя И. Я. Фроянова по достоинству вписано в летопись отечественной истории, его вклад в изучение древней и средневековой Руси с признательностью оценён соратниками и коллегами [14. С. 5-26; 2. С. 3-23; 3. С. 475-750; 27. С. 82-87; 26. С. 81-90; 5. С. 5-22]. Настоящая статья посвящена такой грани творчества И. Я. Фроянова, как бережное, уважительное отношение к историографическому наследию: какой бы темой ни занимался учёный, он всегда отдаёт должное тому, что уже сказано по изучаемой проблеме. Оставаясь самостоятельным, остро актуальным исследователем, он считает долгом отметить заслуги тех, с кем вместе строит здание исторической науки.

Появление публикаций И. Я. Фроянова по истории Киевской Руси стало делом революционным. Многие восприняли их в штыки, чинили препятствия при защите докторской диссертации¹ – слишком неожиданными суждениями они были наполнены, выбиваясь из привычных для советской школы оценок характера древнерусских социально-экономических и социально-политических отношений. Помимо идейной новизны, труды И. Я. Фроянова отличала и совершенно особая манера работы с историографией проблем русского средневековья. Уже в кандидатской диссертации, защищённой в 1966 г.², проявилось такое качество И. Я. Фроянова-исследователя, как максимально-полный охват историографии изучаемого вопроса. В числе важных достоинств диссертации оппоненты единодушно отметили источниковедческие сюжеты [8. С. 282; 9. С. 290], блестящее знание литературы [8. С. 282], «полемический характер» и обстоятельность «историографических разделов» [9. С. 290]. Показательно, что основной историографический анализ был развёрнут не во Введении, в котором И. Я. Фроянов дал общее видение истории изучения «общественной истории Древней Руси» в советской исторической науке [31. С. 21-25], а в основном тексте диссертации: в главах, посвящённых отдельным категориям зависимого населения Древней Руси.

Более новаторской, в том числе и с точки зрения историографического анализа, стала докторская диссертация, защищённая в 1973 г. К тому времени у Игоря Яковлевича был уже большой опыт собственно историографических исследований: из 23 работ, изданных в промежутке между кандидатской и докторской диссертациями, 12 были историографическими (в том числе – посвящёнными анализу исторических взглядов классиков марксизма) или рецензиями. Кроме того, И. Я. Фроянов самостоятельно и в соавторстве с В. В. Мавродиным работал над историографическими очерками для коллективной монографии «Советская историография Киевской Руси»³. Тем не менее, отослав читателя к своим публикациям, он отказался от принятого в диссертациях систематического историографического обзора [32. С. 9]. что неоднозначно было воспринято оппонентами. Если Л. В. Черепнин

¹ Диссертация надолго, как тогда говорили, «зависла» в ВАКе и была утверждена 19 ноября 1976 г., спустя почти 3 (!) года после защиты (см.: [14. С. 8-9; 3. С. 526]).

² Опубл. в 2010 г. См.: [31].

³ См.: [46. С. 356]. Коллективная монография будет опубликована в 1978 г. [25].

этот подход поддержал⁴, то Н. Е. Носов и И. П. Шаскольский, напротив, отнесли его к разряду критических замечаний [13. С. 339; 46. С. 356].

О целесообразности такого решения диссертанта можно спорить. С одной стороны, это шло вразрез и с традицией, и с требованиями к квалификационной работе. С другой, историография весьма полно была представлена в основной части работы (245 имен исследователей, занимавшихся теми или иными аспектами социально-экономических проблем древнерусской истории). Конечно же, во Введение вошли и общая характеристика, и оценка степени изученности социально-экономического строя Киевской Руси в советской историографии – на основании глубокой проработки исторической литературы и результатов осуществлённых ранее собственных историографических исследований. Широки-ми, уверенными «мазками» автор обозначил сложившуюся в советской науке историографическую ситуацию по проблеме, показав необходимость пересмотра господствовавших на тот момент концепций социально-экономического строя Киевской Руси, не только потому, что они сформировались в 1930–1940-е гг., но и в силу априорности ряда положений и выводов, несоответствия достижениям современной науки [32. С. 5-11]. Однако наиболее полно «фирменный» фрояновский историографический стиль, конечно, отражают историографические сюжеты основного текста. Не случайно и на обсуждении диссертации, и на её защите в качестве одной из сильных её сторон⁵ была отмечена насыщенная историографическая составляющая [4. С. 295-296; 12. С. 312]. Как точно отметил А. А. Зимин, «В диссертации И. Я. Фроянова историографические экскурсы составляют органическую часть исследования, всегда сопрягаются с анализом конкретн-исторического материала» [7. С. 328].

Этот фирменный фрояновский стиль историографического анализа проявлялся наглядно и в последующих работах. В течение 8 лет после защиты докторской И. Я. Фроянов подготовил к публикации «трилогию» по истории Киевской Руси. Две монографии благополучно увидели свет в 1974 и 1980 г. [35; 34]. Одна же, вследствие мощного противодействия со стороны академического научного официоза⁶, опубликована только в 1990 г., в новой общественно-политической ситуации [33]. На монографии 1974 г. мы останавливаться не будем, поскольку она представляет собою сокращённый вариант докторской диссертации, о которой речь шла выше. А вот монография 1980 г., завершившая, в основных чертах, оформление фрояновской концепции истории Киевской (домонгольской) Руси, представляет отдельный интерес, в том числе с точки зрения развития особого историографического подхода, разработанного И. Я. Фрояновым в прежних работах. Следует признать, что для полемических монографий, каковой была указанная работа (как, собственно, и все труды Игоря Яковлевича) этот подход оказался оптимальным решением.

Очерки социально-политической истории Киевской Руси 1980 г. состояли из семи разделов, первые из которых обращались к теме князя, дружины, сеньориального режима и к отношению князей со свободными людьми; далее шёл очерк о древнерусском вече; отдельная часть посвящалась народу и войску в Древней Руси; замыкал работу очерк о социально-политической роли древнерусского города [34]. Этот очерк стал настоящим откровением для читателя. Привычная для всех картина древнерусской феодальной раздробленности, сформированная на основе исследований Б. Д. Грекова и Б. А. Рыбакова, вошедшая в сознание большинства ещё со школьной скамьи, вдруг полностью преобразилась. Не княжества, а города-государства, земли-волости с полноправными вечевыми собраниями, сложная картина взаимоотношений княжеской власти и земских учреждений, имеющих ещё родоплеменные корни, – всё это не укладывалось в привычные рамки феодально-формационной картины мира.

В историографическом аспекте монография развивала ранее намеченные в работах И. Я. Фроянова тенденции, которые (теперь уже это смело можно было утверждать) являлись весьма самобытными. В советской исторической науке выработался определённый подход при написании работ подобного плана: обычно в начале текста или начале каждой главы давался краткий историографический очерк, больше похожий на перечень фамилий исследователей, первостепенных для изучения данной темы, и далее к этим именам автор мог и не обращаться. На первый взгляд, в той или иной степени эта структура присутствовала и в работах И. Я. Фроянова, в том числе монографии 1980 г.: и во введении, и в начале очерков упоминаются дореволюционные и советские историки, изучавшие рассматриваемую тему. Но эта историографическая справка нужна была автору вовсе не для того,

⁴ Посетовав только на то, что диссертант «не дал краткой характеристики некоторых современных направлений в изучении Киевской Руси, смысл которых сводится к попытке (часто весьма неубедительной) опровергнуть тезис Б. Д. Грекова о её феодальном строе» [44. С. 313-314].

⁵ Как и в случае с кандидатской диссертацией.

⁶ См.: [20. С. 760-818].

чтобы воздать ритуальную дань уважения предшественникам. И. Я. Фроянов работает с историографическим материалом на протяжении всего текста книги, начиная с этимологии слова «князь», проблемы эволюционной преемственности власти племенных вождей и князей союзов и суперсоюзов племён, а также вопроса формирования публичного характера власти, роли варяжского фактора в истории русских князей и т. д. Все темы сопровождались постоянными ссылками на исторические работы. Чтобы не перегружать основной текст, автор зачастую выносит историографический анализ за его рамки и даёт ёмкие обзоры мнений историков по той или иной проблеме в примечаниях, приобретающих при этом не просто справочную роль, но самостоятельную научную ценность. Примечательно, что охват научной литературы в ссылках и комментариях к тексту был намного шире, чем в кратких обзорах в начале очерков.

Эта же манера обращения к историографии присутствует в работе «Города-государства Древней Руси», написанной И. Я. Фрояновым совместно с А. Ю. Дворниченко, его учеником [43]. Монография открывается краткой, но ёмкой по содержанию первой главой, представляющей аналитическую картину изучения древнерусского города в отечественной историографии. Небольшой объём этой общей историографической части становится понятен, когда обращаешься к основному тексту работы: постоянные цитаты из дореволюционных и советских авторов, отсылки к трудам предшественников и современников, образуют сложную картину поиска истины в науке и непрерывности формирования исторического знания. Динамика текста «Городов-государств» создаёт ощущение присутствия на вневременном историческом форуме, где каждый имеет право голоса и все вместе нацелены на общий результат.

Необычным для советской историографии того времени стал детальный анализ И. Я. Фрояновым взглядов дореволюционных и ранних советских исследователей на рассматриваемые вопросы, что наглядно проявилось уже в его кандидатской диссертации. Ссылки на труды современников, ранних советских авторов, историков царского времени полноправно соседствовали в его трудах, создавая ощущение преемственности, непрерывной работы разных поколений научного сообщества над историей общей Родины. Это ощущение единства, слитности отечественного историографического процесса для работ советского времени, в которых, как правило, проводилась чёткая жёсткая грань, делившая всё на *до* и *после* Октябрьской революции, тоже было неожиданным, отличало труды И. Я. Фроянова от остальных.

Нельзя сказать, что дореволюционная историография (как и ранняя советская) была начисто вычеркнута из научного оборота в трудах советских историков, но всё же внимания ей уделялось крайне мало. На слуху и на страницах исторических произведений советских авторов оставались имена С. М. Соловьёва, Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского, Н. П. Павлова-Сильванского... Зачастую, ссылками на работы крупнейших дореволюционных историков и ограничивалась историография, привлекаемая даже для раскрытия узких, специализированных тем. Одна из заслуг И. Я. Фроянова в области историографических исследований – в том, что он не замыкался на научных «грандах», привлекал максимально широкий круг работ, создавая пёструю картину оценок, учитывающую тончайшие оттенки мнений и исторических трактовок. Это не только позволяло воссоздать преемственность исторического опыта, но и формировало объективное представление о степени изученности тех или иных проблем из истории Древней Руси, разрушало искусственно созданную границу между историографией дореволюционной и историческими исследованиями советского времени.

И. Я. Фроянов вёл серьёзную работу возвращения мало востребованных имён в историографическую обойму исследований Древней Руси. Имена И. Д. Беляева, В. И. Сергеевича, А. Д. Градовского, В. Пассека и других дореволюционных историков, несомненно известные специалистам, становились знакомыми всем, кто интересовался отечественным прошлым. Аккуратность и тщательность проработки историографического поля видна у И. Я. Фроянова и в том, что на страницы его работ возвращались подзабытые имена прежних исследователей Древней Руси. Возможно, по мнению многих, без Ф. Эмина и И. П. Елагина и можно было обойтись в очерке об историографии челяди и холопов [33. С. 97], а без Я. Галяшкина – в историографическом сюжете об эволюции теории верховной собственности или характеристике вассальных отношений... [34. С. 48, 54]. Речь идёт не только об оценке весомости вклада тех или иных историков в разработку проблем древнерусской истории. Важно было, что И. Я. Фроянов формировал особую научную этику обращения с историографическими источниками: уважительное и внимательное отношение ко всем, кто внёс свой, пусть скромный, вклад в изучение отечественного прошлого.

Для самого «мятежного» ленинградского автора дело было не в стремлении отличиться: реальные научные заслуги учёного для И. Я. Фроянова были выше всякого рода клише, типа «дворянский» или «буржуазный историк». Важен был вклад в историческую науку, а не классовая характеристика или принадлежность к той или иной исторической эпохе. Благодарное и внимательное отношение к тому, что сделали предшественники отличает людей мудрых; уважение к мнению других наполняет смыслом собственный поиск.

Скрупулёзный историографический анализ свойствен всем работам И. Я. Фроянова – будь то серьёзные, фундаментальные монографии по истории Древней Руси [37; 30; 41] или драматической истории XVI в. [29], научно-популярная работа о первых веках христианства на Руси [38]⁷ или же курс лекций [36]. Исследователь остаётся верен себе – его наблюдения точны и обоснованы. Великолечно зная историографическую картину, он умело обращается с ней, подкрепляя собственные выводы, полемизируя в поисках исторической истины.

Отдельный интерес представляют собственно историографические работы И. Я. Фроянова, представленные рядом статей⁸ и монографиями 1978, 1979 (коллективными) и 1990 г. Идея написать монографию по историографии Киевской Руси, по словам самого Игоря Яковлевича, возникла у него давно, ещё до защиты докторской диссертации. К тому времени уже имелся и значительный задел в виде ряда статей и сюжетов в кандидатской и докторской работах. Своей идеей он поделился с Владимиром Васильевичем Мавродиным, которому идея понравилась, и он, в свою очередь, предложил расширить проект, пригласив к участию ряд ведущих учёных. В итоге проект стал ленинградским, университетско-академическим. От ЛОИИ⁹ в редколлегию предполагалось включить Н. Е. Носова и М. Б. Свердлова, от ЛГУ – В. В. Мавродина и И. Я. Фроянова. Однако кандидатура И. Я. Фроянова, чья историческая концепция вызывала неприятие официальной историографии, встретила возражения со стороны ряда представителей ЛОИИ и в редколлегию, в итоге, предложили войти И. П. Шаскольскому. Таким образом, большинство здесь осталось за ЛОИИ, но ответственным редактором издания стал В. В. Мавродин¹⁰. Тем не менее, участие И. Я. Фроянова в проекте было весомым. Он, и самостоятельно и в соавторстве с В. В. Мавродиным¹¹, написал историографические очерки, посвященные наиболее важным для науки того времени проблемам изучения Киевской Руси: «Древнерусская народность», «Экономическое развитие Киевской Руси (сельское хозяйство, промыслы, ремесло и торговля)», «Общественный строй Киевской Руси», «Классовая борьба» [25. С. 36-42, 61-77, 85-127]. Принял участие также в подготовке второго тома издания (по истории источниковедения Древней Руси), для которого написал один из ключевых очерков, посвящённый актовому материалу [28. С. 48-56].

При работе над коллективной монографией И. Я. Фроянову вторично, после утверждения диссертации, пришлось столкнуться с ортодоксально-академической¹² цензурой того времени. Сработал типичный для такой «цензуры» механизм. М. Б. Свердлов, один из соавторов коллективного труда и член редколлегии, не поставив в известность ответственного редактора, В. В. Мавродина, отвёз первую корректуру в Москву, в Институт истории СССР АН СССР (головной институт для ЛОИИ). Москвичи, занимавшиеся историей Древней Руси, изначально проявляли интерес к работе, в которой ленинградские коллеги должны были отразить и их научные заслуги. С корректурой ознакомился чл.-

⁷ Первое отдельное издание см.: [39].

⁸ Уже первые работы по историографии, написанные И. Я. Фрояновым, получили высокую оценку специалистов. Игорь Яковлевич вспоминает свой доклад, прочитанный в 1967 г. в ауд. 58 исторического факультета ЛГУ. Доклад был написан на основе первой его историографической статьи «Советская историография о формировании классов и классовой борьбе в Древней Руси», приуроченной к юбилею Великой Октябрьской социалистической революции [42. С. 18-52]. В прениях выступил С. Н. Валк, который поддержал выводы и наблюдения докладчика, высоко оценил его вклад в изучение проблемы. По окончании мероприятия, А. Л. Шапиро сказал молодому учёному: «Удивительно! Сигизмунд Натанович никогда, обычно, не выступал в таких случаях!» И. Я. Фроянов был очень тронут этой поддержкой маститого учёного.

⁹ Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР. С 2000 г. – Санкт-Петербургский институт истории РАН.

¹⁰ Информация получена от И. Я. Фроянова. За эти и другие бесценные сведения о той далёкой уже эпохе автору ему искренне признательны.

¹¹ Тексты совместных статей писал И. Я. Фроянов. В. В. Мавродин читал их и одобрял.

¹² Так мы условно называем цензуру, исходившую не от официальных органов, а от отдельных представителей академической науки, по личной инициативе, но с задействованием и административных ресурсов, препятствовавших выходу в свет не понравившихся им трудов, либо работ чем-то не угодивших им авторов.

кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Ему не понравился сюжет, написанный И. Я. Фрояновым о М. М. Цвибаке, в котором последний, на начальном этапе, рассматривался в качестве равноправного участника, наряду с Б. Д. Грековым, создания марксистской концепции истории Киевской Руси как феодальной¹³. В. Т. Пашуто поднял ещё более тяжёлую артиллерию – обратился к директору Института истории СССР А. Л. Нарочницкому. Вышли, через директора ЛОИИ и члена редколлегии, Н. Е. Носова, на В. В. Мавродина с требованием сократить текст в соответствующей части. В. В. Мавродин стал уговаривать И. Я. Фроянова пойти на уступку. Игорь Яковлевич вообще хотел снять свою фамилию под текстом, но в итоге уступил просьбам своего учителя, к которому питал, и продолжает питать, неподдельный пиетет. Однако собственноручно сокращать текст отказался, и эта процедура была проведена без его участия¹⁴.

Гораздо более серьёзные проблемы у излишне независимого исследователя возникли при попытке опубликовать заключительный том трилогии по истории Киевской Руси, о котором уже говорилось выше. Положительный отзыв на рукопись дали А. Л. Шапиро, Ю. Г. Алексеев, К. В. Чистов и В. М. Панях, Б. Б. Пиотровский, А. Г. Маньков, А. Н. Цамутали, В. Л. Янин [20. С. 760-764, 789-799; 813-815]. Все эти крупные ученые рекомендовали рукопись к печати, с учётом, как обычно, некоторых доработок. Тем не менее, усилиями представителей «тяжелой академической артиллерии», прежде всего Б. А. Рыбакова, монографии был зажжён красный свет. Только на излёте перестройки, в 1990 г. она с опозданием в 8 лет дойдёт до читателя.

Работа, как и коллективная монография 1978–1979 гг. имела очерковую форму и была написана по проблемно-хронологическому принципу: она состояла из 6 разделов-очерков, посвящённых различным аспектам социально-экономической и социально-политической жизни древнерусского государства [33]. Наиболее полную историографическую картину давали очерки, посвящённые проблеме челяди и холопов, а также данникам и данническим отношениям – здесь рассматривались идеи дореволюционных и советских авторов. Проблема древнерусской народности, хозяйственных занятий жителей Древней Руси, историография смердов и вопрос о генезисе феодализма в Древней Руси рассматривались с опорой на труды советских учёных. Но даже оговаривая в предисловии, какие историографические очерки будут посвящены советской историографии, а где, «чтобы яснее видны были итоги и перспективы решения» исторических проблем будет привлечён и дореволюционный материал, И. Я. Фроянов обращается к дореволюционной историографии практически повсеместно. Уже первый очерк «Советская историография древнерусской народности» открывается именами М. П. Погодина, А. М. Максимовича, Н. И. Костомарова, М. С. Грушевского, «авторитетнейших исследователей русской старины» С. М. Соловьёва и В. О. Ключевского, «тонкого и вдумчивого исследователя отечественной истории» А. Е. Преснякова [33. С. 6-8].

Безупречное владение материалом позволило И. Я. Фроянову создать по-настоящему увлекательную картину истории изучения Киевской Руси в отечественной науке. Составители историографических очерков знают, что это непростая задача: легко скатиться к простому хронологическому перечню фамилий и идей, переборщить с цитатами, или, наоборот, увлечься упрощением авторских выводов, обеднив разнообразие оценок и мнений. И. Я. Фроянову удалось найти и соблюсти золотую середину. В его работах прослеживается интересный приём: цитаты разных авторов как бы вытекают одна из другой, переплетаясь, сопровождая собственные мысли автора и превращаясь в изысканное интеллектуальное полотно, иллюстрирующее состояние той или иной исторической проблемы во всей её сложности и многообразии.

¹³ См. Приложения 1 и 3. – В. В. Мавродин рассказывал И. Я. Фроянову, что в начале 1930-х гг. в ГАИМК часто можно было видеть беседующих Б. Д. Грекова и М. М. Цвибака. При этом Б. Д. Греков что-то записывал за собеседником в блокнот. Вероятно, речь шла о методологических моментах. М. М. Цвибак был силен в марксистской составляющей, а Б. Д. Греков – в знании конкретно исторического материала и в методике работы с источниками.

¹⁴ Информация получена от И. Я. Фроянова. Сокращённый текст был передан И. Я. Фроянову сотрудниками издательства и мы, с разрешения автора, публикуем его в Приложениях 1 и 3. Читатель сможет сравнить первичный авторский текст и то, что осталось от него после цензурной правки (Приложения 2 и 4). Легко заметить, что правка привела к серьёзному искажению реальной историографической ситуации. История с сюжетом о М. М. Цвибаке интересна и с точки зрения научных приоритетов И. Я. Фроянова, стремившегося к возвращению «забытых» имён, и с точки зрения того, как это способствовало переоценке сложившихся в официальной науке историографических мифов. Интересен он и для понимания логики действий представителей академической цензуры, стоявших на страже сложившейся «канонической» картины развития отечественной историографии.

Таким образом, историографическая составляющая – важнейший компонент творчества И. Я. Фроянова. Более того, когда в начале аспирантуры у него возникли препятствия на пути занятий Киевской Русью, он, в качестве альтернативы, остановился на историографической теме¹⁵. Не приходится сомневаться, что И. Я. Фроянов стал бы успешным «чистым историографом», если бы не изменившиеся обстоятельства, позволившие ему вернуться к любимым занятиям домонгольской Русью. Стоит ли нам сожалеть о том, что так вышло? Думаем, нет. Игорь Яковлевич – боец. Боец эмоциональный, бесстрашный. История Киевской Руси – это истинно его поприще. Классическая тема для русской науки, самая древняя, самая исследованная, где малочисленные, скудные источники тонут в океане научных трудов. Здесь десятки и сотни точек зрения на одно краткое известие, здесь легко заблудиться в лесу мнений и пойти по чужой тропинке, воспринимая её как свою. Оригинальный же путь нужно не только найти, но и отвоевать право на своё мнение в суровой научной полемике. Поэтому у И. Я. Фроянова не просто историография, а историография полемическая. А полемика, равно как и нестандартное и остроумное осмысление источников, умение найти в них то, на что никто, несмотря на длительное изучение, не обращал внимания, – наиболее яркая сторона работ учёного, их «визитная карточка». Все те качества, которые незаменимы при занятии историей Киевской Руси, всё то, что в итоге определило «феномен И. Я. Фроянова» в нашей исторической науке!

Несколько лет назад один из авторов настоящей статьи спросил И. Я. Фроянова: «Игорь Яковлевич! Каждая Ваша работа вызывает огромный резонанс – от самых восторженных до разгромных откликов. Как Вам это удается?». Игорь Яковлевич начал свой ответ издали, поведав, что схожий вопрос В. А. Романовский, в свою студенческую бытность, задал П. Б. Струве. Пётр Бернгардович прямо ответил начинающему историку: «Молодой человек! Каждый вопрос нужно ЗАОСТРЯТЬ!». Игорь Яковлевич – непревзойденный мастер такого ЗАОСТРЕНИЯ. Но как далеко оно от широко распространенных в наше время попыток соригинальничать, выделиться любым путем из общей исследовательской массы, когда научная составляющая уходит на второй план. Для И. Я. Фроянова «заострение вопроса» – необходимый исследовательский элемент, призванный и у читателя, и у оппонентов, и, прежде всего, у себя самого, активировать научный поиск, приближающий к познанию исторической истины.

Но, думается, дело не только в этом. Важно, конечно, заострить вопрос, привлечь внимание читателя. Но не менее важно поддерживать это внимание на протяжении всего текста работы. Игорь Яковлевич, как никто другой, может разговорить источник, выжать максимум информации из него¹⁶. Он – мастер тонких филологических наблюдений¹⁷, изысканного историко-психологического анализа (где он был пионером в своей области знаний), широких стадийных параллелей и т. п. Наконец, следует сказать о ярком и образном языке И. Я. Фроянова, о том «темпераментном изложении, той яркости палитры повествования, которая – как тонко отмечал А. А. Зимин – придаёт исследованию волнующую широкого читателя доходчивость рассказа» [8. С. 282].

Естественно задаться вопросом, в чём истоки феномена Фроянова-историографа? Откуда это стремление к максимальному охвату литературы, в том числе – дореволюционной, что так выделяет его на общем историографическом фоне того, да и нынешнего времени?

Здесь сошлись несколько факторов. Для И. Я. Фроянова это, прежде всего, ПРАВСТВЕННЫЙ вопрос. Его возмущала ситуация, когда исследователи повторяли те или иные идеи предшественников, прежде всего – дореволюционных авторов, вольно или невольно (по незнанию историографии) выдавая их за свои, что в его понимании сродни воровству. При этом речь шла именно о трактовке тех или иных конкретно исторических вопросов, а не о методологической составляющей (советские историки, например, в отличие от дореволюционных, работали в рамках марксистской парадигмы). Поэтому, когда он искал предпосылки своим взглядам в дореволюционной историографии, – его критиковали, обвиняли в отходе от марксизма, в возвращении к дореволюционному уровню науки. Он же, будучи прекрасным знатоком историографии, с лёгкостью указывал на подобные параллели у оппонен-

¹⁵ См.: [40. С. 15-16].

¹⁶ И. Я. Фроянов – не только признанный «мастер “внутренней критики” источника» [14. С. 19]. «Сильной стороной его исследований является внимание не только к непосредственному содержанию источника, но и к его подтексту, откуда историк извлекает немало новой (или давно забытой в историографии) информации» [6].

¹⁷ Крупнейший филолог, знаток древнерусской литературы, академик Д. С. Лихачёв писал в отзыве на автореферат докторской диссертации И. Я. Фроянова: «Кропотливо, осторожно и с хорошим вниманием к филологической стороне вопроса (здесь особенно ценны наблюдения автора над значением отдельных юридических и социальных терминов) И. Я. Фроянов пересматривает отдельные положения, выдвинутые нашими крупнейшими историками» [12. С. 312].

тов (которые, в отличие от него, об этом стыдливо умалчивали), но никогда не скатывался до уровня «политического доноса», не обвинял их в отходе от марксизма и не отождествлял концептуально с дореволюционной историографией. Он признавал, что речь идёт лишь о взглядах на конкретные вопросы, тогда как методологическая и концептуальная составляющие были разные. При этом он всегда подчёркивал (и до, и после перестройки, когда многие оппоненты «перестроились») более высокий уровень развития советской исторической науки по сравнению с предшествующей историографией.

Видимо, определённую роль сыграл фактор школы. Возрождение И. Я. Фрояновым внимательного отношения к историографии, выстраивание непрерывной линии творческого исторического процесса, содержало некую переключку, традиционную преемственность дореволюционной петербургской и советской ленинградской исторической школы. В своё время, именно профессор Петербургского университета К. Н. Бестужев-Рюмин сделал историографический анализ одной из центральных частей своей истории России. Неслучайно В. О. Ключевский сказал о его труде, что это не только «Русская история», «но и история работы русской мысли над русской историей» [10. С. 369]. Работы И. Я. Фроянова по истории Древней Руси стали, своего рода, новым возвращением фундаментальной проблемной историографии на страницы научных исследований.

В этом плане ещё раз следует поднять вопрос об отношении трудов И. Я. Фроянова к трудам Б. Д. Грекова. И оппоненты¹⁸, и последователи И. Я. Фроянова¹⁹ обычно акцентировали внимание на антигрековской составляющей его концепции. В известной степени это было верно, поскольку он «необоснованно» для одних, и «убедительно» для других «разбивал» основные аргументы Б. Д. Грекова о феодальной природе Киевской (домонгольской) Руси. Кроме того, и сторонники И. Я. Фроянова, и беспристрастные исследователи противопоставляли статичную картину, созданную Б. Д. Грековым, диалектически развивающейся, живой истории Древней Руси, выходящей из под пера И. Я. Фроянова²⁰. Акцентировал внимание на противопоставлении и сам И. Я. Фроянов, когда заявлял о необходимости пересмотра концепции, созданной Б. Д. Грековым²¹. Но не менее справедливым будет указать на преемственность между двумя представителями ленинградской (петербургской) школы не только в подходах к пониманию принципов и путей генезиса феодализма (на что одним из первых чётко указал Ю. Г. Алексеев²²), но и в широком использовании сравнительно-исторического метода [7. С. 330], и, в известной степени, в историографической составляющей. Пожалуй, первым на это указал А. А. Зимин: «В диссертации И. Я. Фроянова историографические экскурсы составляют органическую часть исследования, всегда сопрягаются с анализом конкретно-исторического материала. В этом смысле его работа примыкает к известному труду Б. Д. Грекова» [7. С. 328]. Самое название «Киевская Русь» для основополагающих работ И. Я. Фроянова можно понимать и как вызов «Киевской Руси» Б. Д. Грекова – основному, считавшемуся «каноническим», труду в советской историографии по истории домонгольской Руси (несмотря на то, что многие его положения уже до И. Я. Фроянова подвергались пересмотру), и как демонстрацию преемственности (пусть и через отрицание). Наконец, не будем забывать, что учи-

¹⁸ См., напр.: [23. С. 82]. – В. Т. Пашуто и Б. А. Рыбаков вообще противопоставляли И. Я. Фроянова всей советской историографии, начиная с Б. Д. Грекова [16. С. 174-178; 15. С. 772-775; 17. С. 810-811].

¹⁹ См., напр.: [5. С. 6; 21. С. 6-16].

²⁰ См.: [14. С. 23; 21. С. 14; 2. С. 12-13]. Но ещё раньше, в отзыве на автореферат докторской диссертации И. Я. Фроянова, Д. С. Лихачёв писал: «Выводы И. Я. Фроянова заслуживают всяческого внимания. Как правило, он не упрощает вопросов, а представляет их во всей их сложности, рисует более сложную картину социально-экономического строя Киевской Руси, чем его предшественники» [12. С. 312].

²¹ См., напр.: [32. С. 5-11].

²² По словам Ю. Г. Алексеева, концепции «верховой собственности на землю» И. Я. Фроянов «противопоставляет классическую в советской историографии схему Б.Д. Грекова и его последователей, согласно которой становление феодализма на Руси (как и в других странах) идёт путем развития крупной феодальной земельной собственности князей, бояр и монастырей» [1. С. 764]. – Собственно, сам И. Я. Фроянов проводил такую преемственность: «В трудах Б. Д. Грекова, посвящённых Киевской Руси, была раскрыта роль крупного землевладения как экономической основы феодального процесса» [32. С. 124]; «Мы убеждены, что генезис феодализма есть проблема, тесно связанная с возникновением и ростом крупного землевладения, покоящегося на частном праве» [32. С. 129]. Ещё более чётко эта позиция заявлена в монографии, написанной на основе докторской диссертации [35. С. 7-12]. Более того, И. Я. Фроянов в вопросе о путях генезиса феодализма видел основное содержание проблемы и делил историографию феодализма на сторонников Б. Д. Грекова (к которым относил и себя) и сторонников Л. В. Черепнина (представителей теории верховной собственности на землю) [33. С. 316]. Оппоненты пытались оспорить такое понимание проблемы, видя новаторство Б. Д. Грекова в обобщении «предшествующего накопленного опыта в изучении генезиса феодализма в результате разложения родоплеменного строя...» [22. С. 13].

тель И. Я. Фроянова, В. В. Мавродин, был учеником Б. Д. Грекова. Таким образом, налицо «генетическое научное родство»: И. Я. Фроянов доводился Б. Д. Грекову «научным внуком».

Символично поэтому то обстоятельство, что новая концепция Киевской Руси, на разных этапах развития советской историографии, с интервалом «через одно поколение» историков, выходила именно из недр ленинградской университетской школы в широком смысле этого слова²³. Невольно, эта преемственность отражена и в трудах ряда оппонентов И. Я. Фроянова, которые в советской историографии 1970–1980-х гг. выделяли 3 направления (тенденции): 1) школа Б. Д. Грекова (к которой относили основную массу исследователей, характеризуя их как «продолжающих и развивающих традиции школы Грекова»); 2) концепция о рабовладельческой природе Древней Руси (точка зрения В. И. Горемыкиной); 3) концепция И. Я. Фроянова²⁴. Получалось, таким образом, если не учитывать непопулярную точку зрения В. И. Горемыкиной, в советской историографии было две концепции истории Киевской Руси: 1) Б. Д. Грекова, о феодальной природе Киевской Руси, и 2) И. Я. Фроянова – о дофеодальной. И обе они выросли на почве исторического факультета ЛГУ²⁵.

Что касается преемственности поколений в плане историографической составляющей исследований, то для Б. Д. Грекова, сформировавшегося как историк в дореволюционное время, она была естественной. Органично естественной, несмотря на обращение в марксизм и острые выпады (реальные или ритуальные) в сторону дореволюционной «буржуазной историографии», в лоне которой он сам ещё недавно пребывал. Методологию он принял марксистскую, но приёмы работы с источниками и литературой вышли из старой школы. Следующее поколение советских историков разорвало эту нить «историографической» преемственности, концы которой нашёл и связал И. Я. Фроянов²⁶. Но связал он, вольно или невольно, нить, идущую от К. Н. Бестужева-Рюмина – основоположника петербургской исторической школы. Велика всё-таки сила научной школы, научной традиции!

Как и историческая концепция И. Я. Фроянова, его методы работы с историографией не нашли понимания у критически настроенных по отношению к нему оппонентов²⁷. Его обвиняли в том, что он: «стремится “найти историографические прецеденты для постановки вопроса о городах-государствах в Киевской Руси”... в дореволюционной историографии» [16. С. 178]; возвращает науку «к давним мнениям» [23. С. 82]; пропагандирует «давно устаревшие» («возвращает нас на примитивные позиции 1920-х гг.») и даже – враждебные, взгляды [17. С. 812], а его монография 1980 г., посвящённая социально-политической истории Киевской Руси, «по существу является **историографическим** [выделено Б. А. Рыбаковым. – *В. П., Н. Х.*] обзором» [17. С. 810]. Фактически, ему ставили в упрек и полноту охвата историографических источников, когда «особо» отмечали, что «избранная И. Я. Фрояновым методика позволяет ему ставить таких выдающихся основателей нашей науки, как Б. Д. Греков и Л. В. Черепнин, в один ряд с эпигонами» [15. С. 774]²⁸. Отдельно критиковали его полемический стиль, обвиняя в

²³ Это обстоятельство тонко подметил И. П. Шаскольский во время оппонирования докторской диссертации И. Я. Фроянова: «Докторские диссертации по проблемам Киевской Руси – это вообще редкое явление. За последние 20 лет их почти не было. Тем более приятно, что диссертация подготовлена и защищается... на историческом факультете ЛГУ, который 40 лет назад был местом зарождения советской науки по истории Киевской Руси. Именно на историческом факультете ЛГУ, возрожденном в 1934 г. после многолетнего перерыва, акад. Б. Д. Греков стал создавать марксистскую науку по истории Киевской Руси» [46. С. 352].

²⁴ См., напр.: [23. С. 82]. – Более того, М. Б. Свердлов, обозначивший подобное деление, делал после этого следующий вывод: «Таким образом, в современной советской историографии налицо противоположные тенденции при изучении Древней Руси: продолжение традиций школы Грекова и их дальнейшее развитие в анализе древнерусского общества как целостной феодальной системы... и другие линии, утверждающие значительную роль рабовладения [т. е. – точка зрения В. И. Горемыкиной. – *В. П., Н. Х.*] либо представления о “нефеодальном” или “дофеодальном” [речь о концепции И. Я. Фроянова и его последователей. – *В. П., Н. Х.*] общественном строе Древней Руси...» [23. С. 82]. – Взглядам «школы Б. Д. Грекова» противопоставлял точку зрения И. Я. Фроянова и В. Т. Пашуто [16. С. 177-178].

²⁵ Показательно, что И. Я. Фроянов пошёл значительно дальше. Им «создана своеобразная концепция истории России, охватывающая временной отрезок с IX по XX век», которая «по части масштабности охвата научной проблемы, универсальности выводов и значения для развития отечественной историографии... является одной из немногих концептуальных моделей исторического пути страны, созданных в последние десятилетия» [26. С. 87].

²⁶ Отметим также, что историографические сюжеты И. Я. Фроянова отличались большей полнотой и обстоятельностью, чем у Б. Д. Грекова.

²⁷ Первичным здесь было неприятие концепции И. Я. Фроянова, переносившееся на негативное отношение к автору и всему, что им создано.

²⁸ Мы не будем вести разыскания, о каких *эпигонах* ведет речь автор. Отметим только, что того же М. М. Цвибака, как следует из вышесказанного о нём В. В. Мавродиным и И. Я. Фрояновым (см. также Приложение 1), вряд ли можно считать эпигоном Б. Д. Грекова.

неуважении к коллегам [43. С. 320; 17. С. 811; 15. С. 774; 22. С. 12]. Конечно, острый, образный стиль И. Я. Фроянова как никакой другой подходит для критических пассажей. Не является секретом и то, что Игорь Яковлевич в запале полемики, порой был весьма жёстким в оценках, на что ему указывали и доброжелательно настроенные коллеги. Но, справедливости ради, следует отметить, что такой стиль полемики у него стал проявляться не сразу, а в условиях жёсткого прессинга критики, особенно яростно обрушившейся на исследователя с начала 1980-х гг. Это даже была не столько научная критика, сколько политические обвинения в марксистской неблагонадёжности. И. Я. Фроянов пытался отвечать на них в условиях, когда научно-административный ресурс оппонентов был несоизмеримо большим, а его возможности донести свою точку зрения до читателя были весьма и весьма ограничены²⁹. А. Л. Шапиро, с которым И. Я. Фроянова связывали тёплые, дружеские отношения, писал в отзыве на рукопись монографии, посвящённой историографии Киевской Руси, в момент, когда давление на И. Я. Фроянова достигло апогея: «Книга И. Я. Фроянова является остро полемичной. Это хорошо. Однако книга непременно должна всегда оставаться корректной и сохранять академический тон. Poleмика никак не должна переходить в грубость и неуважительность по отношению к другим учёным, даже в том случае, когда эти учёные сами сбивались на неучтивость и несправедливые наскоки на И. Я. Фроянова» [45. С. 761]. Здесь сказались высокие традиции ленинградской интеллигентности: не отвечать грубостью на грубость, сохранять академичность полемики с оппонентом, даже когда он выходит за рамки научной этики. И Игорь Яковлевич, надо отдать должное, сделал выводы. Более того – он все острые замечания в свой адрес опубликовал [20. С. 760-818; 18. С. 295-359; 19. С. 259-290], что свидетельствует о мужественной гражданской позиции учёного.

Достаточно ярко характеризует Игоря Яковлевича как человека и как учёного его отношение к Б. А. Рыбакову – одному из организаторов травли И. Я. Фроянова, включившему красный свет его очеркам историографии Киевской Руси, пришедшему к «твердому выводу о недопустимости публикации ещё одной книги данного автора», прямо обвинявшему его в отходе от марксизма и враждебности по отношению к советской науке, что «может радовать только врагов марксизма» [17. С. 810-812]³⁰. С началом перестройки многие стали травить уже самого Б. А. Рыбакова. И. Я. Фроянов не только не пинал «павшего льва», но и высоко отзывался о достоинствах Бориса Александровича как исследователя и патриота, прививал своим ученикам уважение к нему. Именно в таком подходе проявляется интеллигентность по отношению к предшественникам, которую отмечал такой гранд нашей науки, как Д. С. Лихачёв в отзыве на реферат докторской диссертации И. Я. Фроянова: «Автор проявляет редкостное для молодого ученого внимание ко всей аргументации своих старших предшественников и скромность в отношении своих собственных заслуг» [12. С. 312].

Уважение ко всем, кто занят общим делом поиска исторической истины, И. Я. Фроянов старался привить и своим ученикам. Сочинения историков школы Фроянова, когда бы они ни были созданы и какой бы темы ни касались, объединяет не только концептуальный подход, но и знакомые по трудам учителя приёмы работы с историографией. Нравственным ориентиром для такого подхода к исторической работе послужили труды Учителя – И. Я. Фроянова, многое сделавшего для того, чтобы сохранить преемственность поколений в исторической науке.

Таким образом, отмечая факторы, определившие феномен И. Я. Фроянова-историографа, можно выделить и влияние научной школы, и ответ на внешнюю агрессию (его выдавливали из советской историографии, а он упорно держался, пытаясь показать свою историографическую преемственность с нею). Но главную роль сыграл морально-этический фактор в двух его основных составляющих: быть честным в отношении определения своего места в науке, не считать себя первооткрывателем уже ранее открытого, пусть и основательно забытого; уважение к учителям и своим коллегам по цеху. Этих правил всегда, несмотря на обстоятельства, стремился придерживаться исследователь, для которого «радоваться успеху другого, радоваться радостью другого – одно из проявлений высших людских свойств, питаемых чувством любви к ближнему» [40. С. 14].

²⁹ Направленный И. Я. Фрояновым в редакцию журнала «Вопросы истории» ответ (см.: [20. С. 782-788]) на рецензию В. Т. Пашуто (см.: [16]) не был опубликован. Редакция «Истории СССР» также не предоставила И. Я. Фроянову возможности ответить на погромные рецензии Ю. А. Лимонова, М. Б. Свердлова и Я. Н. Щапова (см.: [20. С. 801-802]), опубликованные на страницах журнала (см.: [11; 24]), что было явным нарушением научной этики.

³⁰ Справедливости ради отметим, что несколькими годами ранее Б. А. Рыбаков признал И. Я. Фроянова достойным присуждения ему ученой степени доктора исторических наук, что не могло не сказаться на утверждении ВАК надолго зависшей в ней докторской диссертации учёного (Информация получена от И. Я. Фроянова).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Ю. Г.* Отзыв о монографии И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Очерки отечественной историографии» // Средневековая и новая Россия: К 65-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996.
2. *Алексеев Ю. Г., Пузанов В. В.* Проблемы истории средневековой Руси в трудах И. Я. Фроянова // Исследования по Русской истории и культуре. Сб. ст. к 70-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006.
3. *Брачев В. С.* Служители исторической науки. Академик С. Ф. Платонов. Профессор И. Я. Фроянов. СПб., 2010.
4. Выписка из протокола № 16 кафедры истории СССР от 25 июня 1973 года // *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.
5. *Дворниченко А. Ю.* И. Я. Фроянов – исследователь Киевской Руси // Русские древности: К 75-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб., 2011.
6. Журавель А. В. О школе И. Я. Фроянова. Размышления о будущем. URL: http://www.hrono.info/statii/2003/zhur_shkola.php
7. *Зимин А. А.* Отзыв о докторской диссертации И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя». Л., 1973, 400 м/п стр. // *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.
8. *Зимин А. А.* Отзыв о кандидатской диссертации И. Я. Фроянова «Зависимое население Древней Руси XI–XII вв. (челядь, холопы, данники, смерды)». Л., 1966 // *Фроянов И. Я.* Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). СПб., 2010.
9. *Копанев А. И.* Отзыв о диссертации И. Я. Фроянова «Зависимое население Древней Руси XI–XII вв. (челядь, холопы, данники, смерды)» // *Фроянов И. Я.* Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). СПб., 2010.
10. *Ключевский В. О.* К. Н. Бестужев-Рюмин // *Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 т. М., 1989.
11. *Лимонов Ю. А.* Об одном опыте освещения истории Киевской Руси. Летописи и исторические построения в книге И. Я. Фроянова // История СССР. 1982. № 5.
12. *Лихачев Д. С.* Отзыв об автореферате И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя» // *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.
13. *Носов Н. Е.* Отзыв на докторскую диссертацию И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя». Л., 1973 // *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.
14. *Панченко А. М., Дегтярев А. Я., Алексеев Ю. Г., Воробьев В. М., Дворниченко А. Ю.* Игорь Яковлевич Фроянов (страницы жизни и творчества русского учёного) // Средневековая и новая Россия: К 65-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996.
15. *Пауто В. Т.* Отзыв о рукописи книги: И. Я. Фроянов. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии (445 стр.) // Средневековая и новая Россия: К 65-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996.
16. *Пауто В. Т.* По поводу книги И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Очерки социально-политической истории» // Вопросы истории. 1982. № 9.
17. Письмо Б. А. Рыбакова С. Л. Тихвинскому, направленное в издательство ЛГУ в качестве отзыва на рукопись И. Я. Фроянова // Средневековая и новая Россия: К 65-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996.
18. Приложение // *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.
19. Приложение 1 // *Фроянов И. Я.* Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). СПб., 2010.
20. Приложение (из истории одной книги) // Средневековая и новая Россия: К 65-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996.
21. *Пузанов В. В.* Феномен И. Я. Фроянова и отечественная историческая наука // Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси. Ижевск, 2003.
22. *Свердлов М. Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков. СПб., 1996.
23. *Свердлов М. Б.* Современные проблемы изучения генезиса феодализма в Древней Руси // Вопросы истории. 1985. № 11.
24. *Свердлов М. Б., Щанов Я. Н.* Последствия неверного подхода к исследованию важной темы // История СССР. 1982. № 5.
25. Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.
26. *Солдатов В. Н.* Историческая концепция И. Я. Фроянова – проблема определения и характеристики структурных элементов // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2011. № 23(238). История. Вып. 47.
27. *Солдатов В. Н.* К вопросу о политико-идеологическом аспекте критики исторических взглядов И. Я. Фроянова в советской и постсоветской историографии // Историк и его эпоха: Вторые Даниловские чтения (20-22 апр. 2009 г., г. Тюмень). Тюмень, 2009.
28. *Фроянов И. Я.* Актовый материал // Советское источниковедение Киевской Руси. Л., 1979.
29. *Фроянов И. Я.* Драма русской истории: На путях к Опричнине. М., 2007.

30. Фроянов И. Я. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.
31. Фроянов И. Я. Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). СПб., 2010.
32. Фроянов И. Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.
33. Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990.
34. Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
35. Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.
36. Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб., 2015.
37. Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992.
38. Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси // Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988.
39. Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси: 2-е изд. Ижевск, 2003.
40. Фроянов И. Я. От автора // Фроянов И. Я. Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). СПб., 2010.
41. Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996.
42. Фроянов И. Я. Советская историография о формировании классов и классовой борьбе в Древней Руси // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Л., 1967. Ч. 1.
43. Фроянов И. Я. Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
44. Черепнин Л. В. Отзыв о монографии И. Я. Фроянова: «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя». Л., 1973. 400 машинописных стр. (представлена в качестве диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук) // Фроянов И. Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.
45. Шапиро А. Л. Отзыв о книге И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Очерки отечественной историографии» // Средневековая и новая Россия: К 65-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996.
46. Шаскольский И. П. Отзыв о диссертации И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя». Л., 1973 (400 м/п стр.), представленной на соискание учёной степени доктора исторических наук // Фроянов И. Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.

Поступила в редакцию 04.04.16

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Текст корректуры монографии «Советская историография Киевской Руси. Л., 1978», подвергшийся сокращению по требованию «Института истории СССР АН СССР». Передан И. Я. Фроянову сотрудниками издательства. Публикуется с разрешения автора. Сохранена орфография подлинника.

[Начало, с. 91, последний абзац] Значительным событием в изучении истории становления феодализма у народов Востока, Западной и Восточной Европы и России явился Пленум ГАИМК, состоявшийся 20–22 июня 1933 г.⁴⁰ Большой интерес вызвал доклад «К вопросу о генезисе феодализма в Древней Руси», прочитанный М. М. Цвибаком. Возникновение феодальных отношений, говорилось в докладе, происходило в Восточной Европе «после того, как закончилась феодализация Франции, Западной Германии, Италии, Испании и Греции», поэтому «Восточная Европа вступает в феодальную формацию, окруженная кольцом феодальных уже государств».⁴¹ Естественно, что «здесь (в Восточной Европе, – В.М. и И.Ф.) разложение первобытнокоммунистической общины на основе рабства приводит к образованию феодальной собственности. Государство как продукт непримиримости классовых противоречий складывается как орган господства феодалов-землевладельцев над за- [Продолжение, с. 92] кабаленными непосредственными производителями».⁴² Наряду с феодальным окружением важным фактором при появлении феодализма, по мнению М. М. Цвибака, являлось рабовладение, существовавшее в древнем восточнославянском обществе, ибо «разорвавший связь с общиной землевладелец возможен только в результате применения им рабского труда, дающего ему возможность владения землей вне общины. Он использует труд рабов непосредственно у себя в хозяйстве, обрабатывая свое поле».⁴³

Совсем не обязательно, «отрицая существование в Древней Руси рабовладельческой формации, отрицать колоссальную роль в ней рабства». «Б. Д. Греков, – продолжал М. М. Цвибак, – которому принадлежит заслуга борьбы против теории, утверждающей существование рабовладельческой формации в Киевской Руси, не прав в своей тенденции обосновывать свое верное по сути дела положение ис-

торически неверным стремлением умалить роль рабовладельческих отношений в Древней Руси». Секрет не в том, «что рабства не было. Оно было и было очень сильно распространенным, было очень тяжелым... Дело не в том, чтобы отрицать рабство, а в том, чтобы показать, как оно превращается в источник феодализации, серваж».⁴⁴ Вместе с тем, по мнению М. М. Цвибака, «основное направление феодализации идет не от рабства и порождает в свою очередь превращение свободных общинников в зависимых крепостных. Общинники теряют землю, она концентрируется в руках феодалов».⁴⁵ Следовательно, феодализации Древней Руси способствовали два обстоятельства – окружавшие Русь феодальные государства и рабство в среде восточного славянства. М. М. Цвибак к указанным двум обстоятельствам присовокупил и третье: «Вскрывая генезис феодализма в таких условиях, где внутренний процесс феодализации идет во взаимодействии с влиянием уже сложившихся ранее феодальных организаций, нельзя не отметить того обстоятельства, что в Древней Руси играло серьезную роль и непосредственное завоевание уже сложившимися феодальными центрами районов, пребывающих на стадии варварского общества и начальной феодализации. Это обстоятельство не могло не отразиться на своеобразном сочетании отработочной и натуральной ренты в древнерусских условиях».⁴⁶

Формирование классов начинается с выделения из однородного в социальном смысле общества «государя-вотчинника», «господина» с примыкающей к нему прослойкой руси (феодално-дружинным объединением) по одну сторону и представителей «низших, закабаленных классов феодального княжеского до-[Продолжение, с. 93]мена» – холопов, смердов, рядовичей – по другую.⁴⁷ Изгой и сябры дополняют номенклатуру феодально зависимых.⁴⁸

Из ученых, принимавших участие в прениях по докладу М. М. Цвибака, отметим С. Н. Быковского, говорившего о беспочвенности каких бы то ни было утверждений, поддерживающих тезис о рабовладельческой формации у восточных славян,⁴⁹ Н. Н. Воронина, попытавшегося по-новому подойти к истории Ростово-Суздальского княжества и проиллюстрировать синхронность его феодализации с Киевской землей.⁵⁰

Сопоставление докладов Б. Д. Грекова и М. М. Цвибака обнаруживает тождество их исходных, вернее сказать, конструирующих посылок: ими со всей решительностью исключается рабовладельческая формация в истории России. Акцентирование М. М. Цвибаком значения рабства в процессе феодализации Древней Руси, феодального обрамления Руси соседними странами, завоевания древнерусскими феодальными центрами варварской периферии – не более как уточнение, способное внести лишь некоторые коррективы. Оба названных доклада легли в основу концепции, создание которой связано прежде всего с именем Б. Д. Грекова.

⁴⁰ Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М.–Л., 1934.

⁴¹ Там же, с. 73, 74.

⁴² Там же, с. 79.

⁴³ Там же, с. 80.

⁴⁴ Там же, с. 92.

⁴⁵ Там же, с. 83.

⁴⁶ Там же, с. 91.

⁴⁷ Там же, с. 86, 88.

⁴⁸ Там же, с. 83.

⁴⁹ Там же, с. 255.

⁵⁰ Там же, с. 274, 275.

Приложение 2. Сокращенный текст, вошедший в монографию «Советская историография Киевской Руси. Л., 1978».

[С. 93, 2-й абзац] На Пленуме ГАИМК, состоявшемся 20–22 июня 1933 г., М. М. Цвибак прочитал доклад «К вопросу о генезисе феодализма в Древней Руси».⁵⁰ Он также выступил против тезиса о рабовладельческом характере общественного строя Древней Руси. Однако в его докладе содержалось ошибочное положение о том, что Древняя Русь была окружена феодальными государствами.

⁵⁰ Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М.–Л., 1934. – См. также: Цвибак М. М. К вопросу о генезисе феодализма в Древней Руси. – В кн.: Из истории докапиталистических формаций. М.–Л., 1933.

Приложение 3. Фотокопия страниц корректуры монографии «Советская историография Киевской Руси. Л., 1978» до сокращения³¹: с. 91 (а); с. 92 (б)

По признанию автора, в Киевской Руси имело место экономическое принуждение. Однако оно выступало в качестве «подсобного метода присвоения прибавочного продукта», тогда как внешнеэкономическое принуждение являлось наиболее типичным.³⁷

После доклада Б. Д. Грекова развернулись оживленные прения. Оппоненты отмечали, что докладчик недостаточно учитывает роль общественных институтов первичной формации, с одной стороны (М. Н. Мартынов, И. М. Троицкий), и рабства — с другой (С. Н. Быковский, В. В. Мавродин, М. Н. Мартынов, И. И. Смирнов, С. Н. Чернов, Е. С. Лейбович).

В заключительном слове Б. Д. Грекова не было той строгой определенности, которой отличались поздние его работы. Он даже пошел на компромисс с теми, кто находил в Древней Руси рабовладельческое общество (И. И. Смирнов, Е. С. Лейбович), приняв их соображение как дополнение к той части своего доклада, которая относилась к эпохе древнейшей Русской Правды, т. е. Правды Ярослава. Что касается более позднего времени, а именно XI в., то здесь Б. Д. Греков остался верен себе: он считал, что и в Киеве, и в Новгороде, и Владимиро-Суздальской земле господствовали феодальные отношения.³⁸

После дискуссии 1932 г. историки часто возвращались к тем же проблемам из истории Киевского государства. Продолжал изучать историю Киевской Руси и Б. Д. Греков. Но первые его работы, написанные вслед за выступлением в ГАИМК, мало чем отличались от его заключительного слова.³⁹

Значительным событием в изучении истории становления феодализма у народов Востока, Западной и Восточной Европы и России явился Пленум ГАИМК, состоявшийся 20—22 июня 1933 г.⁴⁰ Большой интерес вызвал доклад «К вопросу о генезисе феодализма в Древней Руси», прочитанный М. М. Цвибаком. Возникновение феодальных отношений, говорилось в докладе, происходило в Восточной Европе «после того, как закончилась феодализация Франции, Западной Германии, Италии, Испании и Греции», поэтому «Восточная Европа вступает в феодальную формацию, окруженная кольцом феодальных уже государств».⁴¹ Естественно, что «здесь (в Восточной Европе, — В. М. и И. Ф.) разложение первобытнокоммунистической общины на основе рабства приводит к образованию феодальной собственности. Государство как продукт непримиримости классовых противоречий складывается как орган господства феодалов-землевладельцев над за-

³⁷ Там же, с. 48—49.

³⁸ Там же, с. 159.

³⁹ См., например: Греков Б. Д. Начальный период в истории русского феодализма. — ВАН СССР, 1933, № 7.

⁴⁰ Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М.—Л., 1934.

⁴¹ Там же, с. 73, 74.

(а)

кабаленными непосредственными производителями».⁴² Наряду с феодальным окружением важным фактором при появлении феодализма, по мнению М. М. Цвибака, являлось рабовладение, существовавшее в древнем восточнославянском обществе, ибо «разорвавший связь с общиной землевладелец возможен только в результате применения им рабского труда, дающего ему возможность владения землей вне общины. Он использует труд рабов непосредственно у себя в хозяйстве, обрабатывая свое поле».⁴³

Совсем не обязательно, «отрицая существование в Древней Руси рабовладельческой формации, отрицать колоссальную роль в ней рабства». «Б. Д. Греков, — продолжал М. М. Цвибак, — которому принадлежит заслуга борьбы против теории, утверждающей существование рабовладельческой формации в Киевской Руси, не прав в своей тенденции обосновывать свое верное по сути дела положение исторически неверным стремлением умалить роль рабовладельческих отношений в Древней Руси». Секрет не в том, «что рабства не было. Оно было и было очень сильно распространены, было очень тяжелым. . . Дело не в том, чтобы отрицать рабство, а в том, чтобы показать, как оно превращается в источник феодализации, серваж».⁴⁴ Вместе с тем, по мнению М. М. Цвибака, «основное направление феодализации идет не от рабства и порождает в свою очередь превращение свободных общинников в зависимых крепостных. Общинники теряют землю, она концентрируется в руках феодалов».⁴⁵ Следовательно, феодализации Древней Руси способствовали два обстоятельства — окружение Русь феодальными государствами и рабство в среде восточного славянства. М. М. Цвибак к указанным двум обстоятельствам присовокупил и третье: «Вскрывая генезис феодализма в таких условиях, где внутренний процесс феодализации идет во взаимодействии с влиянием уже сложившихся ранее феодальных организаций, нельзя не отметить того обстоятельства, что в Древней Руси играло серьезную роль и непосредственное завоевание уже сложившимися феодальными центрами районов, пребывающих на стадии варварского общества и начальной феодализации. Это обстоятельство не могло не отразиться на своеобразном сочетании отработочной и натуральной ренты в древнерусских условиях».⁴⁶

Формирование классов начинается с выделения из однородного в социальном смысле общества «государя-вотчинника», «господина» с примыкающей к нему прослойкой руси (феодально-дружинным объединением) по одну сторону и представителей «низших, закабаленных классов феодального княжеского до-

⁴² Там же, с. 79.

⁴³ Там же, с. 80.

⁴⁴ Там же, с. 92.

⁴⁵ Там же, с. 83.

⁴⁶ Там же, с. 91.

(б)

³¹ Авторы выражают признательность Р. В. Павловскому и А. В. Башеву, отсканировавшим текст.

Приложение 3. Фотокопия страниц корректуры монографии «Советская историография Киевской Руси. Л., 1978» до сокращения: с. 93

мена» — холопов, смердов, рядовичей — по другую.⁴⁷ Изгой и сыбры дополняют номенклатуру феодально зависимых.⁴⁸

Из ученых, принимавших участие в прениях по докладу М. М. Цвибака, отметим С. Н. Быковского, говорившего о беспочвенности каких бы то ни было утверждений, поддерживающих тезис о рабовладельческой формации у восточных славян,⁴⁹ Н. Н. Воронина, попытавшегося по-новому подойти к истории Ростово-Суздальского княжества и проиллюстрировать синхронность его феодализации с Киевской землей.⁵⁰

Сопоставление докладов Б. Д. Грекова и М. М. Цвибака обнаруживает тождество их исходных, вернее сказать, конструирующих посылок: ими со всей решительностью исключается рабовладельческая формация в истории России. Акцентирование М. М. Цвибаком значения рабства в процессе феодализации Древней Руси, феодального обрамления Руси соседними странами, завоевания древнерусскими феодальными центрами варварской периферии — не более как уточнение, способное внести лишь некоторые коррективы. Оба названных доклада легли в основу концепции, создание которой связано прежде всего с именем Б. Д. Грекова.

Некоторые колебания в определении социальной структуры Киевской Руси, проявленные Б. Д. Грековым в ходе дискуссий 1932 и 1933 гг., имели характер скорее эпизодический, чем постоянный; по его мнению, рабство теряет свое значение, отступая перед феодализмом. Характерна в этой связи статья Б. Д. Грекова «Проблема генезиса феодализма в России», где подчеркивается усиление феодальных порядков, окрепших к началу X в.⁵¹ По мнению автора, славянское общество IX—X вв. — классовое общество. Правда, в том, какие классы действовали в этом обществе, полной ясности нет: в одном случае на исторической сцене хозяйничают рабовладельцы, окруженные многочисленными рабами, а в другом — крупные землевладельцы (князья, бояре, отцы церкви), строящие свое благополучие на угнетении феодально зависимых.⁵² В этой работе Б. Д. Греков отодвигает генезис феодальных отношений в глубь веков и таким способом пытается снять проблему рабства в концепции И. И. Смирнова и других исследователей.

«Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне» — следующая работа Б. Д. Грекова. В ней основное внимание уделено начальной стадии развития феодализма на Руси и складыванию феодальной

⁴⁷ Там же, с. 86, 88.

⁴⁸ Там же, с. 83.

⁴⁹ Там же, с. 255.

⁵⁰ Там же, с. 274, 275.

⁵¹ Греков Б. Д. Проблемы генезиса феодализма в России. — Исторический сборник, Л., 1934, I, с. 39, 44.

⁵² Там же, с. 38, 39, 44.

Приложение 4. Фотокопия страницы корректуры монографии «Советская историография Киевской Руси. Л., 1978» после сокращения.

В заключительном слове Б. Д. Грекова не было той строгой определенности, которой отличались поздние его работы. Он даже отчасти соглашался с теми, кто находил в Древней Руси черты рабовладельческого общества (И. И. Смирнов, Е. С. Лейбович), приняв их соображение как дополнение к той части своего доклада, которая относилась к эпохе древнейшей Русской Правды, т. е. Правды Ярослава. Что касается более позднего времени, а именно XI в., то здесь Б. Д. Греков считал, что и в Киеве, и в Новгороде, и Владимиро-Суздальской земле господствовали феодальные отношения.⁴⁸

После дискуссии 1932 г. историки часто возвращались к тем же проблемам из истории Древнерусского государства. Продолжал изучать историю Киевской Руси и Б. Д. Греков. Но первые его работы, написанные вслед за выступлением в ГАИМК, мало чем отличались от его заключительного слова.⁴⁹ На пленуме ГАИМК, состоявшемся 20—22 июня 1933 г., М. М. Цвибак прочитал доклад «К вопросу о генезисе феодализма в Древней Руси».⁵⁰ Он также выступил против тезиса о рабовладельческом характере общественного строя Древней Руси. Однако в его докладе содержалось ошибочное положение о том, что Древняя Русь была окружена феодальными государствами.

Некоторые колебания в определении социальной структуры Киевской Руси, проявленные Б. Д. Грековым в ходе дискуссий 1932 и 1933 гг., имели характер скорее эпизодический, чем постоянный; по его мнению, рабство теряет значение, отступая перед феодализмом. Характерна в этой связи статья Б. Д. Грекова «Проблема генезиса феодализма в России», где подчеркивается усиление феодальных порядков, окрепших к началу X в.⁵¹ По мнению автора, славянское общество IX—X вв. — классовое общество. В том, какие классы действовали в этом обществе, полной ясности нет: в одном случае на исторической сцене хозяйничают рабовладельцы, окруженные многочисленными рабами, в другом — крупные землевладельцы (князья, бояре, отцы церкви), строящие свое благополучие на угнетении феодально зависимых.⁵² В этой работе Б. Д. Греков отодвигает генезис феодальных отношений в глубь веков и таким способом пытается снять проблему рабства в концепции И. И. Смирнова и других исследователей.

«Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне» — следующая работа

⁴⁸ Там же, с. 159.

⁴⁹ См., например: Греков Б. Д. Начальный период в истории русского феодализма. — ВАН СССР, 1933, № 7.

⁵⁰ Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М.—Л., 1934. — См. также: Цвибак М. М. К вопросу о генезисе феодализма в Древней Руси. — В кн.: Из истории докапиталистических формаций М.—Л., 1933.

⁵¹ Греков Б. Д. Проблемы генезиса феодализма в России. — Исторический сборник, Л., 1934, I, с. 39, 44.

⁵² Там же, с. 38, 39, 44.

V.V. Puzanov, N.V. Khalyavin,

"TO BE HAPPY OVER SOMEONE ELSE'S SUCCESS, TO BE HAPPY OVER SOMEONE ELSE'S JOY..." – NOTABLE FEATURES OF HISTORIOGRAPHICAL RESEARCH IN THE WORK OF I. Y. FROYANOV

The article is concerned with the work of the famous Russian historian, Professor I. Ya. Froyanov. The main attention is given to the way he works with historiographic material. The authors note a unique style of his scientific creative work, which involves a rigorous analysis of the historiographical fields, wide coverage of the works of his predecessors and contemporaries, a careful and respectful attitude to the opinion of every historian. Among the most important scientific achievements of the scientist are his efforts to preserve the continuity of historical thought from different eras (pre-revolutionary, Soviet and contemporary historiography), especially in the study of socio-economic and socio-political issues of Ancient Russia. Attention is paid to the difficulties which I. Ya. Froyanov had to overcome in upholding his principles and scientific ideals. The appendix to the article illustrates one of the episodes of the thorny path of the scientist to the truth.

Keywords: I. Ya. Froyanov, Russian history, historiography, Ancient Russia.

Пузанов Виктор Владимирович,
доктор исторических наук, заведующий кафедрой
истории России
E-mail: vvpuzanov@gmail.com

Халявин Николай Васильевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории России
E-mail: nivakha@gmail.com

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)

Puzanov V.V.,
Doctor of History, Professor, Head of the Department
of Russian History
E-mail: vvpuzanov@gmail.com

Khalyavin N.V.,
Candidate of History, Associate Professor
at Department of Russian History
E-mail: nivakha@gmail.com

Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034